

Бенин Владислав Львович

КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК ПОДХОД В СИСТЕМЕ ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Статья продолжает дискуссию о статусе культурологии как самостоятельной отрасли научного знания, её содержании и основной гносеологической функции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/3/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 3 (4). С. 28-35. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Деятельность комсомольских организаций по созданию и укреплению системы вечернего образования способствовала не только осуществлению планов государства, но и объективно отвечала интересам советского общества. Сеть школ рабочей (сельской) молодёжи стала одним из самых мощных рычагов претворения в жизнь в нашей стране цели всеобщего обучения граждан. Вечерняя школа расширяла социальные возможности учащихся, давала знания, поднимала общую культуру и гражданскую активность рабочей и сельской молодёжи.

Список использованной литературы и источников

- Баранов Н. Л. Партийное руководство комсомолом в первое послевоенное десятилетие (1945-1955). Саратов, 1979.
Бредихин В. Е. Участие комсомола в становлении системы общего вечернего образования (1941-1945 гг.) // Гуманитарные науки: проблемы и решения. СПб., 2006. Вып. IV. С. 17-22.
Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 1045, 1160, 1176, 1184, 1185.
Михайлов Н. А. Новые задачи комсомола // Большевик. 1946. № 23-24.
Народное хозяйство СССР в 1975 году. М., 1976.
Народное образование в СССР // Общеобразовательная школа: сб. документов 1917-1973 гг. М., 1974. С. 389-402.
Отчетный доклад ЦК ВЛКСМ XII съезду комсомола. М., 1954.
РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17, М-1, М-6.
Сборник руководящих материалов по школам рабочей и сельской молодёжи. 2-е изд. М., 1948.

THE FORMATION OF THE SYSTEM OF GENERAL EVENING EDUCATION: THE ROLE OF KOMSOMOL

**Belyaev Artem Alexandrovich, Bredihin Vladimir Evgenyevich,
Slezin Anatoly Anatolyevich**

*Department of History and Philosophy
Tambov State Technical University
hist@nnn.tstu.ru*

Abstract. In the article the basic directions of the activity of Komsomol organizations of the 1940-1950s concerning the perfection of school network for working and rural youth are presented on the basis of Tambov area.

Key words and phrases: Komsomol; the Great Patriotic war; post-war society; evening school; rural youth; young workers; Tambov area.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК ПОДХОД В СИСТЕМЕ ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Бенин Владислав Львович

*Кафедра культурологии
Бакирский государственный педагогический университет
sgf_bspu_dekanat@mail.ru*

*Статья подготовлена при поддержке гранта РГНТИ в рамках работы по проекту
13.11.25 «Фундаментальные социокультурные основы обеспечения национальной безопасности России».*

Аннотация. Статья продолжает дискуссию о статусе культурологии как самостоятельной отрасли научного знания, её содержании и основной гносеологической функции.

Ключевые слова и фразы: культура; культурология; методология гуманитарных исследований; наука.

В начале 90-х годов XX века, на волне гуманизации системы отечественного образования, произошло серьезное изменение структуры обществоведческих дисциплин. В результате в число обязательных общеобразовательных курсов вводится предмет «Культурология». Его появление весьма удачно заполнило вакуум, возникший после исключения предметов, связанных с формированием личности «строителя коммунистического будущего». «В условиях распада отечественной идеократии и духовного вакуума, - отмечает белорусский исследователь И. Я. Левяш, - роль интегратора знания о человеке и его мире приняла на себя культурология» [Второй Российский культурологический конгресс..., с. 105]. Однако, как отмечал А. Я. Флиер, в 1998-1999 гг. со сменой руководства Министерства образования, был радикально сокращен набор дисциплин, предписанных для изучения в качестве общеобразовательных. В числе первых в категорию «необязательных» предметов была переведена культурология, которую теперь изучают только по инициативе самих вузов» [Флиер, с. 10].

Но если споры вызывал (да и по сей день ещё вызывает) учебный предмет, то, что же говорить о статусе культурологии как науки?! А. С. Запесоцкий, человек, который в 1996 г. первым в стране защитил докторскую диссертацию по культурологии, отмечал неприятие культурологии в научной среде, особенно в «смежных» цехах историков, литературоведов, философов [Культурология как наука..., с. 5]. Да что говорить о «смежниках», если среди ведущих отечественных культурологов до сих пор нет единства во взглядах на собственную науку! На Втором Российском культурологическом конгрессе Ю. М. Резник утверждал: «Культурология есть гуманитарная, т.е. описательно-интерпретативная дисциплина, стремящаяся распознать и реконструировать смыслы культурной деятельности человека во всех сферах его жизни. С этой точки зрения **единого культурологического знания нет** (выделено мною – В. Б.). Есть только разные проекты культурологии: философские, гуманитарные, социологические, антропологические и т. д.» [Второй Российский культурологический конгресс..., с. 100].

Мы полагаем, что культурология сегодня во многом повторяет судьбу педагогики, по поводу научного статуса которой также продолжают споры. Еще и сегодня можно услышать вопрос: «А наука ли педагогика, если четко не определен ее предмет исследования?». Как правило, отмечает М. М. Дудина, таким вопросом задаются специалисты, имеющие дело с точными науками, возводя требование четкой определенности законов и вытекающих из них следствий в ранг необходимого и достоверного условия точности науки. Однако такой взгляд вряд ли можно считать объективным, если учесть, что педагогика относится к социальным наукам, в которых постоянно возникает ситуация неоднозначного трактования изучаемых процессов и явлений. Тем не менее, ни у кого не возникает мысль поставить под сомнение научность философии, истории, антропологии, психологии и др. [Дудина, с. 100-101]. К числу социальных наук, безусловно, принадлежит и культурология.

Термин «культурология» впервые появляется в 1913 г. Его вводит в научный оборот В. Оствальд для описания культуры как специфического явления, присущего только человеку. И хотя в западной науке данное понятие не прижилось, оно активно вошло в научный оборот отечественных исследователей последней трети XX века. Однако если право на существование названного термина не оспаривалось, то что он реально обозначает — одну науку или комплекс разных наук о культуре — вопрос спорный.

А. А. Оганов и И. Г. Хангельдиева верно отмечают большой интерпретационный интерес, который вызывает само понятие культурологии. «Само это слово состоит из двух частей: *cultura* и *logos*. В нем можно выделить два основных значения: знание о культуре и теория культуры, так как именно таким образом переводится с латинского слово «*logos*». Если за отправную точку в трактовке термина «культурология» брать первый вариант, то он по логике вещей включает в себя и теорию и историю культуры, если же останавливаться на втором — то только теорию» [Оганов, Хангельдиева, с. 21]. Данная специфика термина позволила Ю. Н. Солонину и М. С. Кагану утверждать, что «культурология может рассматриваться в двух смыслах. В первом случае она обозначает всю совокупность частных культурологических наук и теорий. Это, скорее, наименование знания по его предметной отнесенности, подобно тому как естествознанием мы называем всю совокупность знаний о природе, обществознанием — всю совокупность знаний об обществе и т.д. Во втором случае под культурологией понимают конкретную науку — системно организованные знания, предметно и методологически выделенные из других наук о культуре» [Солонин, Каган, с. 27]. Поэтому нередко работы, авторы которых просто уклоняются от четкой формулировки своей позиции.

Показательно, что в учебном пособии для вузов «Введение в культурологию» под редакцией Е. В. Попова предмет культурологии как таковой вообще не упоминается. Его авторы лишь ограничиваются оговоркой, фактически дезавуирующей саму культурологию: «Наиболее продуктивный подход к проблеме осознания культуры как целостного явления дает философия, так как она пытается осмыслить культуру в самой ее сути» [Введение в культурологию..., с. 6]. Внятного ответа на вопрос о предмете культурологии не найти в учебном пособии В. И. Полищука, хотя глава «Предмет курса «Культурология» в нем имеется [Полищук].

Еще более оригинальной представляется позиция Д. А. Силичева. Скороговоркой обмолвившись, что единой и общепринятой науки культурологии «на сегодня еще не создано», он далее упоминает виды культурологии, к которым причисляет философию культуры, историю культуры, социологию культуры, психологию культуры и культурную антропологию [Силичев, с. 6].

Другой крайностью, на наш взгляд, является попытка уложить культурологию в рамки философии культуры, как это делает, например, И. Я. Левяш, утверждая «культурология — далеко не все культуроведение, а лишь его ядро. Это не вообще история и теория, а философия культуры со своим специфическим предметом как наука об общих закономерностях — универсалиях свободной, творческой деятельности человека, созидании и реализации символически обозначаемых и общественно значимых ценностей и смыслов» [Левяш, с. 26]. Автор забывает, что философия культуры формируется еще в европейской философии Нового времени и давно определилась со своим предметом. Его сущность, на наш взгляд, прекрасно выразил В. М. Межуев: «Для культурологов под понятие «культура» подпадает любая общность людей, для философа — только та, которая образована свободными индивидами. Спорить, кто из них прав, бессмысленно — они просто решают разные задачи» [Культурология как наука..., с. 43].

Создатели одного из первых массовых учебников по культурологии, вышедшего в свет в 1996 году, определили культурологию как научную и учебную дисциплину, отличающуюся от истории художественной культуры, истории искусств и т.д. тем, что она «имеет свой исходный теоретический базис, комплексное

концептуально обоснованное понимание культуры. Суть культурологии состоит в том, что это – понимание, самоосмысление культуры, осуществляемое внутри нее самой [Учебный курс по культурологии..., с. 4].

Среди многообразия представлений о культурологии, ростовские исследователи выделили три подхода. Первый из них рассматривает культурологию как комплекс дисциплин, изучающих культуру. Для его сторонников показательна позиция, согласно которой «культурология – скорее, некоторое суммарное обозначение целого комплекса наук, изучающих культурное поведение человека и человеческих общностей на разных этапах их исторического существования» [Культура..., с. 38]. Данную позицию разделяет известный отечественный историк культуры И. В. Кондаков. Для него культурология представляет собой цикл научных и учебных дисциплин, занятых проблемами культуры в теоретическом, историческом и практически-прикладном аспектах [Кондаков, с. 6]. На схожих позициях стоят В. А. Бабохо и С. И. Левикова [Бабохо, Левикова, с. 352], В. В. Викторов [Викторов, с. 14], А. И. Кравченко [Кравченко, с. 10]. Сторонники названного подхода полагают, что «базисом культурологического знания, его источником выступают отдельные науки о культуре, в рамках которых формируется первоначальный аналитический синтез разнообразных фактов и феноменов культуры» [Багдасарян, с. 16].

Второй подход представляет культурологию как комплекс, состоящий из разделов дисциплин, так или иначе изучающих культуру. Для него предметом культурологии «могут быть различные формы культур, основанием для выделения которых являются время, место распространения или религиозная организация. Кроме этого, предметом культурологии могут быть теории культуры, разработанные в художественной форме (изобразительное искусство, скульптура, музыка), в литературе, в качестве элементов философских систем. Культурологические исследования могут базироваться на анализе текста, отдельных аспектов развития духовной культуры, прежде всего различных форм искусства» [Белик, с. 11]. Вряд ли необходимо комментировать подобные эклектичные наборы. Эффективность попыток «объять необъятное» определил еще Козьма Прутков.

Третий подход обнаруживает стремление рассматривать культурологию как самостоятельную научную дисциплину. «Культурология — системная рефлексия о культуре как целостности. Она включает в себя исторические, социологические, антропологические, философские, этнографические, религиозные, художественные и иные аспекты культуры», – вот, пожалуй, одно из наиболее ярких определений подобного рода [Теория культуры..., с. 16]. Сторонники названной позиции утверждают, что «предметом культурологии является изучение сущности, структуры и основных функций культуры, исторических закономерностей ее развития. Иными словами, культурология изучает наиболее общие закономерности развития культуры, ее базовые характеристики, памятники, явления и события материальной и духовной жизни людей» [Ермишина, с. 8]. Аналогична позиция А. Б. Есина [Есин, с. 6], П. С. Гуревича [Гуревич, с. 25], А. С. Кармина [Кармин, с. 3], Б. И. Кононенко [Кононенко, с. 227], Л. Д. Столяренко с соавторами [Столяренко и др., с. 6].

Так следует или не следует признавать за культурологией статус самостоятельного научного направления?

Один из широко распространенных доводов противников культурологии как науки можно назвать территориальным. «Не будет большой ошибки, – пишет Ю. Асоян, – если мы прямо назовем культурологию отечественным нововведением. Такой науки, как культурология, нет более нигде» [Асоян, с. 9]. Обстоятельство существования науки «в одной отдельно взятой стране», на первый взгляд, производит впечатление сильного довода. В самом деле, не может же астрономия либо филология быть локализована рамками одной страны!

Если это наука, давно сформировавшая своё предметное поле и свой понятийный аппарат, то, разумеется, не может. Но в таком случае следует полагать, что ко второй половине XX века предметная дифференциация научного поля окончательно установилась и впредь может существовать лишь в данном неизменном виде. Думается, что подобное утверждение чрезмерно категорично. Процесс развития и дифференциации некогда единой метанауки привел к тому, что в области познания ныне насчитывается более 15 тысяч научных дисциплин. На каком основании мы должны полагать данный процесс завершенным? Таковым основанием является исключительно признание того, что в лице современной науки человечество познало всё сущее, получило абсолютную истину, и процесс познания завершился. Однако данный тезис противоречит самой сути науки.

Перейдем далее к вопросу о том, как появляется новая отрасль научного знания и, прежде всего, обратимся к примеру старейшей из них – философии. Философия с её современной предметной областью возникает в VI-V веках до н.э. в Древней Греции. Тезис о возникновении философии в Древней Греции, подчеркивает В.Ф. Шаповалов, означает, что придется отказать в принадлежности к философии тем учениям, которые существовали в иных регионах мира одновременно или даже раньше первых философских произведений античной Греции. Речь, прежде всего, идет о Древнем Египте, Древнем Вавилоне, Древнем Китае, Древнем Индии и даже самой Древней Греции в предшествующие эпохи [Шаповалов, с. 6].

Аналогично, та же античная Греция, трудами Геродота, вошла в историю как родина истории, благодаря Страбону – как родина географии, а благодаря пифагорейской школе – как родина математики. Может возникнуть вопрос: почему, исследуя, когда и как возникла математика как наука, мы обращаемся к древнегреческим мыслителям, в то время как уже до греков, в Вавилоне и Египте, существовала математика и, стало быть, здесь и следует искать ее истоки? Действительно, задолго до греков математика возникла на Древнем Востоке. Но особенностью древнеегипетской и вавилонской математики было отсутствие в ней единой сис-

темы доказательств, которая впервые появляется именно у греков. "Большое различие между греческой и древневосточной наукой, — пишет венгерский историк науки Арпад Сабо, — состоит именно в том, что греческая математика представляет собой систему знаний, искусно построенную с помощью дедуктивного метода, в то время как древневосточные тексты математического содержания содержат только интересные инструкции, так сказать, рецепты и зачастую примеры того, как надо решать определенную задачу" [Сабо].

Физика как самостоятельный раздел науки, берет начало от Г. Галилея. История современной химии начинается с книги Роберта Бойля «Химик-скептик» (1661 г.), публикация монаха из Моравии Грегора Менделя (1866 г.) является точкой отсчета сначала классической, а затем и молекулярной генетики. В 1838 г. французский мыслитель Огюст Конт впервые вводит в научный оборот термин «социология». Сегодня большинство исследователей считают О. Конта основателем этой науки. Но если и существуют мнения о целесообразности поиска «доконтовского» основателя социологии, то они связаны с именами двух других великих французов — Шарля Луи Монтескье и Клода Анри де Сен-Симона. «Намечается своеобразный, но очень заметный глубокий французский «след» в основании социологической науки (Монтескье, Сен-Симон, Конт)» [Зборовский, с. 32]. Примеры подобного рода можно продолжать.

Из очевидного факта (и наука имеет свою родину) вытекает вполне логичный вопрос: почему мы должны отказывать России в праве быть родиной нового направления научного знания? Уже упоминавшийся А. С. Запесоцкий утверждает, что «культурологии пока нет на Западе по одной простой причине: там нет такой культуры, как в России. В том числе — такой культуры и опыта осмысления культуры» [Культурология как наука..., с. 102]. Не станем комментировать пафос данного заявления, но согласимся с модальностью автора — «пока нет» не означает «и не будет». Поэтому более серьезным, чем территориальный, нам представляется второй довод противников признания за культурологией статуса самостоятельного научного направления — содержательный.

Против признания культурологии в качестве науки активно возражают философы. Культурология, утверждает В. М. Межуев, — это не особая наука со своим предметом, методом, целью, а просто суммарное обозначение самых разных областей научного знания о культуре. «Можно провести аналогию: естествознание — это одна наука или общее название для разных естественных наук — физики, химии, биологии и пр.? Или обществознание? То же можно сказать и о культурологии» [Там же, с. 12]. Автор утверждает, что все знают, чем занимается этнограф, историк, филолог, социолог, изучающий культуру, но чем занимается культуролог? Все эти науки можно назвать науками о культуре, но ни одна не является культурологией по преимуществу. На вопрос о том, чем культурология отличается от перечисленных выше наук, ни у кого пока нет четко сформулированного ответа. Из сказанного можно сделать два вывода: во-первых, культура в настоящее время, несомненно, стала одним из преимущественных объектов современного научного знания; во-вторых, существование особой науки о культуре остается пока под вопросом [Там же, с. 76]. В итоге философ приходит к следующему выводу: «Что касается понимания культуры как целостности, или, как я говорю, в ее идее, то оно дается только философией культуры. Только философская идея культуры содержит основу для культурной систематизации и типологизации» [Там же, с. 24].

Возражения подобного рода можно множить, но мы не видим в этом смысла. В. М. Межуев делает это лучше и последовательнее других. В любом случае, суть противников научного статуса культурологии сводится к утверждению, что границы культурологического знания остаются довольно размытыми как в предметном, так и в методическом отношении, да и с точки зрения внутренней структуры тоже [Асоян, с. 12].

Но правильно ли сводить культурологию к философии культуры? Мы разделяем позицию тех коллег, которые отрицательно отвечают на этот вопрос. Философия культуры представляет собой часть философии как отдельной отрасли научного знания, причем знаний особого рода. Если наука главной своей задачей видит определение общих закономерностей описания процесса становления и развития различных культурных миров, то для философии безразличен мир сам по себе, для нее чрезвычайно важно знать какое значение имеет данный мир для человека, что в этом мире является благом, а что является злом. «Если с этой точки зрения посмотреть на философию культуры, — отмечает А. И. Шендрик, — то главной задачей последней является поиск ответов на вопросы: «Кто я в культуре? В чем смысл моего существования как действующего субъекта, подлинного демиурга истории?». При подобном подходе становится ясно, что поставить знак равенства между культурологией и философией культуры невозможно» [Второй Российский культурологический конгресс..., с. 99].

Если в философии культуры получает свое рациональное выражение самосознание человека в культуре, развивает данную точку зрения В. И. Сороковникова, то культурология предстает как знание об отдельных культурах и культуре как системе [Там же, с. 103]. Да и сам В. М. Межуев подчеркивает, что «философ решает проблему не знания о культуре, а культурного самосознания» [Культурология как наука..., с. 16].

Но если так, то прав А. С. Запесоцкий: «Любая из известных нам гуманитарных наук в отдельности не способна охватить культуру в ее целостности. И если мы все же хотим получить объективное научное знание о культуре и думаем, что это возможно, то должна существовать наука — культурология, так же как и философия культуры. И если философия культуры погружает нас в мир идей, в мир, где правит бал субъективное начало, то сфера культурологии — научная объективность, существующая вне зависимости от личностной оценки» [Там же, с. 8].

В таком случае, мы подходим к главному вопросу дискуссии — что есть объективные знания о культуре? Достаточно ли для такого знания конгломерата различных научных результатов (Σ = данные истории + дан-

ные социологии + данные антропологии + данные этнографии + данные искусствоведения и т.д.) или необходима самостоятельная предметная область? И отнюдь не из чинопочитания, ответ на данный вопрос мы начнем с цитирования директора Института философии РАН, академик Российской академии наук А. А. Гусейнова, так обозначившего свою позицию: «Ее (*культурологии* – *авт.*) предметной областью является сама культура, и вся проблема заключается в том, чтобы зафиксировать, схватить эту реальность культуры. Оказывается, это трудно сделать. Сотни определений, десятки разных подходов. Отсюда — вывод о надуманности, научной несостоятельности культурологии как особой области знания. Я не думаю, что этот вывод является правомерным. Возьмите для сравнения философию. Она существует по крайней мере 2600 лет, если брать за начальную точку отсчета время, когда она обрела свое имя. ... Кажется, никто не сомневается в ее интеллектуальной легитимности и универсалистском статусе. А если поинтересоваться у философов, в чем они видят свой предмет и его место в системе научного знания, то легко можно убедиться: разноречивый будет вполне сопоставим с тем, что мы имеем в случае культуры и культурологии» [Там же, с. 46].

Директор института философии вернул своим коллегам «камень, брошенный в огород» культурологов. Достаточно ли этого для признания культурологии сформировавшейся наукой? Разумеется, нет, поскольку мы еще не ответили на вопрос о специфике ее предмета. В чем же он состоит?

На Втором Российском культурологическом конгрессе на этот вопрос отвечали:

- А. И. Шендрик: «Сегодня все большее число культурологов рассматривает культурологическую науку как новую область знания, где происходит переосмысление и новый синтез гуманитарных и социальных наук» [Второй Российский культурологический конгресс..., с. 100].

- Л. Н. Голубева: «Специфика культурологического подхода состоит в том, что это метауровень исследования культурных артефактов, позволяющий уйти от простой каталогизации культурных явлений в прикладные исследования, а также от искуса построения глобальных субстраницональных схем культурно-исторического процесса» [Там же, с. 101].

- И. Я. Левяш: «В пределах культурологического знания назрело его предметное самоопределение... Культурология - не «всеведение» о культуре, а наука об общих закономерностях и смысле культурно-цивилизационного процесса, его становления, структуры, функционирования и развития, их интерпретации с позиций современной ситуации» [Там же, с. 105].

Почему культурология начала осознавать себя «новой областью знания», «наукой об общих закономерностях», «метауровнем исследования»? Причину этого, на наш взгляд, лучше всех определил В. М. Межуев – тот самый В. М. Межуев, который доказывал её (культурологии) несостоятельность, а доказал свою научную честность и принципиальность: «А теперь я скажу несколько слов в защиту культурологии. Я думаю, культурология рано или поздно придет на смену экономическим и политическим наукам, может быть, даже и самой философии. Но это произойдет не раньше, чем главным фактором общественной стабильности станет не экономика или власть, а культура. Это, конечно, дело будущего — такого общества я пока не вижу. Но уже сейчас, по констатации многих социальных мыслителей, основные изменения в современном обществе происходят не в сфере техники и экономики, а в сфере культуры. Когда общество будет жить и развиваться по законам культуры, культурология, несомненно, станет ведущей отраслью научного знания» [Культурология как наука..., с. 30].

Изменились не взгляды на культуру. Изменилось понимание роли культуры в жизни общества. И для доказательства этого мы вновь вынуждены обратиться к старому спору о том, что есть культура; к трем основным концепциям ее понимания.

Духовная концепция ограничивает культуру исключительно сферой духовной жизни общества, а порой и еще уже – сферой художественной культуры и искусства. С этих позиций вполне логично общую теорию культуры видеть в сумме искусствоведения и ряда близких гуманитарных наук. Но, как известно, деление культуры на материальную и духовную относительно и возможно лишь абстрактно-теоретически.

Аксиологическая концепция рассматривает культуру как совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных людьми. Но понятие «ценность» характеризует не объект сам по себе, а отношение субъекта к объекту. Отношение субъекта к объекту – это традиционная философская проблематика. Таким образом, с позиций аксиологической концепции, роль культурологии по праву должна принадлежать философской аксиологии, а в конечном итоге – философии культуры.

Этносоциологическая концепция рассматривает культуру как накопленный человечеством опыт социальной жизнедеятельности, дающий возможность каждому индивиду усвоить этот опыт и участвовать в его приумножении. И если подходить к культуре с позиций этносоциологической концепции (а мы этот подход разделяем), то для понимания сущности культуры нужна именно культурология как полноценная самостоятельная наука. И в таком утверждении у нас есть весьма авторитетный единомышленник.

Ведущий российский специалист в области философии науки академик В. С. Степин отметил, что общенаучная картина мира наряду с представлениями о природе включает представления об обществе и человеке. Последние в качестве своих составляющих включают три основных подсистемы — экономику, социально-политическую подсистему и культуру. Все три подсистемы связаны между собой и внутренне структурированы. Каждую из них можно сделать особым предметом исследования. «Подсистема представлений о культуре, включаемая в картину социальной реальности, является обобщающей моделью (картиной) структуры и динамики культуры. С ней соотносятся наиболее значимые достижения конкретных наук, изу-

чающих различные аспекты функционирования и развития культуры в жизни общества» [Культурология как наука..., с. 89].

Не секрет, что те или иные предметные области возникают в науке тогда, когда в них появляется объективная потребность. И в этом случае междисциплинарный характер подхода не мешает формированию новой области знания, что прекрасно иллюстрируют дополнения, которыми обогатил «научный реестр» ушедший двадцатый век – глобалистика и экология.

Сегодня очевиден междисциплинарный характер глобальных проблем современности. Аналитики отмечают, что они непосредственно связаны с обострением противоречий глобального масштаба, таких как экологический и этнонациональный кризисы, противоречия между развитыми индустриальными государствами и экономически отсталыми странами и др. В их исследовании принимают участие представители самых разнообразных отраслей гуманитарных, естественных и технических наук. С осознанием необходимости синтеза различных подходов для объединения и осмысливания полученных результатов, сформировалась новая область знания — теория глобальных проблем, или глобалистика.

Аналогична судьба экологии. С середины XX в. она приобрела особое значение как научная основа рационального природопользования и охраны живых организмов, а сам термин получил более широкий смысл и стал предметом изучения уже отнюдь не только биологов. С 70-х гг. XX в. складывается экология человека, или социальная экология, изучающая закономерности взаимодействия общества и окружающей среды, а также практические проблемы ее охраны. Она включает различные философские, социологические, экономические, географические и другие аспекты (например, экология города, техническая экология, экологическая этика и др.). Но, перестав быть монопольной собственностью биологов, экология и не утратила свой предмет, и не стала менее научной.

На наш взгляд, нечто аналогичное происходит ныне с культурологией. Ушедшее двадцатое столетие, кроме всего прочего, унесло с собой и веру во всеспасительную силу естествознания. Если античность видела путь ко всеобщему благоденствию и процветанию в философии, а средневековье – в постижении Святого писания, Новое время апеллировало к естествознанию. В науке (и прежде всего естественной) мыслители нового времени усматривали реальный путь к улучшению не только природной среды, но и самого человека. Однако века, прошедшие со времён Декарта и Спинозы показали наивность таких представлений. Колоссально нарастив свои естественные и технические знания, люди не стали ни добрее, ни лучше, ни счастливее. Более того, они вплотную подошли к той черте, у которой со всей полнотой встал вопрос глобального выживания. С крушением сциентизма как панацеи от вселенской катастрофы пришло и новое осознание значения культуры.

Для понимания места культурологии в системе научного знания нам кажется уместным сослаться на позицию Э. С. Маркаряна, утверждающего, что «повысить должным образом статус культурологии станет возможным лишь в том случае, если удастся убедительно доказать, что данная наука о культуре имеет подлинно глобальную значимость и незаменима в решении ключевых стратегических проблем выживания и развития человечества» [Первый Российский культурологический конгресс..., с. 84-85]. С ним солидарен И. Г. Кефели: «Современная культура, в отличие от прометеевской культуры модерна, пафосом которой является покорение человеком природного и социального мира, все более явно выражает в различных проявлениях свою суть как способ выживания человека в мире. Тем самым, она предстает как социокультурное основание гецивилизационной безопасности» [Там же, с. 412].

Исходя из того (практически всеми признанного) факта, что культура является надбиологическим способом (технологией) деятельности людей, т.е. тем, что отличает человека от животного, можно предположить, что культуросообразность некой деятельности (подхода, системы и т.п.) есть её сообразность человеческой сущности. И, наоборот, отсутствие культуросообразности некой деятельности (подхода, системы и т.п.) есть её несоответствие человеческой сущности, следовательно, путь к самоуничтожению человека как вида.

На уровне оценки конкретных конфликтов это уже очевидно. «В наше время целостность культуры становится необходимым условием существования социума, — подчеркивает доктор физико-математических (!) наук Р. Г. Баранцев. — Чтобы не допускать социальных взрывов, вроде недавнего «карикатурного скандала» (автор имеет в виду резкую негативную реакцию, которую в исламском мире повлекла за собой публикация скандинавской прессой карикатур на пророка Мухаммада – В. Б.), рациональный Запад должен уважать образы и символы, интуитивный Восток – считаться с понятиями и образами, эмоциональная Россия – принимать символы и понятия» [Там же, с. 94].

Однако, на наш взгляд, уровня культурологической оценки конкретных конфликтов уже недостаточно. Диалог культур стремительно выходит на ведущее место в практике современных международных и внутригосударственных отношений. Развитие средств массовой информации и формирование глобальной культуры, этнические конфликты на территориях бывших Советского Союза и Югославии, столкновение США с арабским миром, внутреннее перерождение США и Западной Европы под напором миграции наглядно высвечивают важность специального изучения культуры — значимость культурологии.

Частные науки о культуре (этнография, археология, история искусств, искусствоведение, эстетика и др.) способны хорошо анализировать каждую конкретную культуру в отдельности. Они способны также сопоставлять культуры, находя в них моменты сходства и различия. Но они не в состоянии дать ответ на вопрос о том, каким образом мир может сохранить культурное многообразие и избежать глобальной межкультурной «войны всех против всех». Ответ на этот вопрос дает иной (общий) взгляд на культуру – взгляд с позиции

культурологической науки. «Одна из главных задач этой науки, – подчеркивает А. А. Горелов, – выявление закономерностей развития культуры, отличающихся от законов природы и от законов материальной жизни человека и определяющих специфику культуры как самоценной сферы бытия» [Горелов, с. 6].

Таким образом, как подчеркивает А. П. Марков, говорить о культурологии следует в том случае, «если мы откажемся от попыток встраивать культурологию в «прокрустово ложе» существующих наук (она по определению не может быть наукой «в ряду других» уже в силу того, что изучает культуру как целое) и попробуем представить весь «куст» культуроориентированных исследований в качестве научной парадигмы» [Культурология как наука..., с. 83]. Исходя из сказанного, мы полагаем, что культурология представляет собой комплексную научную отрасль, изучающую наиболее общие закономерности функционирования и развития культуры как целого. За границами собственно культурологического исследования она выступает в качестве универсального методологического подхода в познании социальной реальности, позволяющего оценивать возможности и перспективы глобального выживания человека как вида.

Список использованной литературы и источников

- Асоян Ю. Открытие идеи культуры: опыт русской культурологии середины XIX и начала XX веков / Ю. Асоян, А. Малафеев. М.: Обьединен. гуманитар. изд-во, 2001. 342 с.
- Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1998. 241 с.
- Бобахо В. А., Левикова С. И. Культурология: программа базового курса, хрестоматия, словарь терминов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 400 с.
- Введение в культурологию: учеб. пособие для вузов / под ред. Е. В. Попова. М.: ВЛАДОС, 1996. 336 с.
- Викторов В. В. Культурология: учеб. пособ. М.: Изд-во «Экзамен», 2002. 544 с.
- Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему»: тезисы докладов и сообщений. СПб.: ЭЙДОС, АСТЕРИОН, 2008. 560 с.
- Горелов А. А. Культурология: учеб. пособ. М.: Юрайт-М, 2002. 400 с.
- Гуревич П. С. Культурология: учебник. М.: УИЦ «Гардарики», 1999. 288 с.
- Дудина М. М. К вопросу о понятии «профессиональная педагогика» // Профессиональная педагогика: категории, понятия, дефиниции. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2003. Вып. 1. С. 98-106.
- Ермишина Н. Д. Культурология: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Трикта, 2006. 432 с.
- Есин А. Б. Введение в культурологию: основные понятия культурологии в систематическом изложении: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 1999. 216 с.
- Зборовский Г. Е. История социологии: классический и современный этапы: учебник для вузов. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2003. 872 с.
- Кармин А. С. Культурология. СПб.: Изд-во «Лань», 2001. 832 с.
- Кондаков И. В. Культурология: история культуры России: курс лекций. М.: ИФК Омега-Л, Высш. шк., 2003. 616 с.
- Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. М.: ООО «Издательство Вече 2000»; ООО «Издательство АСТ», 2003. 512 с.
- Кравченко А. И. Культурология: учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект; Трикта, 2003. 496 с.
- Культура: теории и проблемы: учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. М.: Наука, 1995. 278 с.
- Культурология как наука: за и против: круглый стол (Москва, 13 февраля 2008 г.). СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. 108 с.
- Культурология: учебное пособие / под ред. С. А. Хмелевской. М.: Логос, 2002. 141 с.
- Культурология: учеб. для студ. техн. вузов / под ред. Н. Г. Багдасарьян. М.: Высшая школа, 1999. 511 с.
- Культурология: учебник / под ред. Ю. Н. Солонина, М. С. Кагана. М.: Высшее образование, 2005. 566 с.
- Леваш И. Я. Культурология: учеб. пособие для студентов вузов. Минск: Тетра систем, 2001. 495 с.
- Оганов А. А., Хангельдиева И. Г. Теория культуры: учеб. пособие для вузов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 416 с.
- Первый Российский культурологический конгресс. СПб.: Эйдос, 2006. 432 с.
- Полищук В. И. Культурология: учеб. пособие для вузов. М.: Гардарики, 1998. 444 с.
- Сабо А. Возникновение теоретической математики [Электронный ресурс]. URL: <http://physics38.3dn.ru/publ/4-1-0-154>
- Силичев Д. А. Культурология: учеб. пособие для вузов. М.: Приор, 1998. 351 с.
- Столяренко Л. Д., Столяренко В. Е., Самыгин С. И. Культурология: учеб. пособие. М.; Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2004. 352 с.
- Теория культуры: учебное пособие / под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. СПб.: Питер, 2008. 592 с.
- Учебный курс по культурологии / под ред. Г. В. Драча. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996. 576 с.
- Флиер А. Я. Культурологи для культурологов. М.: Академический Проект, 2000. 496 с.
- Шаповалов В. Ф. Основы философии. От классики к современности. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1998. 576 с.

CULTURAL SCIENCE AS THE APPROACH IN THE SYSTEM OF THE COMPREHENSION OF THE SOCIAL REALITY

Benin Vladislav Lvovich

*Department of Cultural Science
Bashkir State Pedagogical University
sgf_bspu_dekanat@mail.ru*

Abstract. The article continues the discussion about the status of sociology an independent branch of scientific knowledge, its contents and basic gnosiological function.

Key words and phrases: culture; cultural science; methodology of humanitarian researches; science.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ КИТАЙСКОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА В ФОНДАХ КУНСТКАМЕРЫ (XVIII В.)

Благодер Юлия Гариевна

*Кафедра политологии и права
Кубанский государственный технологический университет
blagoder_1@mail.ru*

Аннотация. На основе изученных музейных фондов выделены пути формирования в России первых коллекций предметов китайского искусства. Дана краткая характеристика наиболее ранних экспонатов собрания Кунсткамеры. Особое место отведено произведениям декоративно-прикладного искусства и изысканных аксессуаров, ставших с течением времени в сознании российской общественности своеобразным символом китайской культуры.

Ключевые слова: Кунсткамера; ориентализм в искусстве; коллекции предметов китайского искусства; лаковые изделия; фарфор; перегородчатая эмаль; шелковые ткани; экспонаты; раритет.

Изделия китайского искусства, обращавшие на себя внимание необычным материалом и непонятными изображениями, в России начали собирать в конце XVII в. Их таинственный вид пленил воображение, и обладание ими почиталось особой роскошью. В следующем столетии уже создаются серьезные собрания как художественные, так и этнографические – в Кунсткамере, в императорских резиденциях Петербурга, Петергофа, Царского Села, Ораниенбаума, дворцах знати.

Реформаторская деятельность Петра Великого создала условия для более широкого знакомства с образом жизни заграничного общества, что послужило началом коренной ломки не только норм, но и мировоззрения жителей Московии. Считая образование мощной созидательной силой, российский правитель прилагал немало труда, чтобы «насадить в Санкт-Петербурге рукоделия, науки и художества вообще». В связи с этим он начал собирать коллекцию диковинок для расширения кругозора подданных, «поучения и знания о живой и мёртвой природе и об искусстве рук человеческих», явившуюся первым официальным собранием предметов восточной художественной культуры» [Алексеев]. По замыслу Петра I просветительским целям должна была служить созданная им Кунсткамера, для которой как непримечательные, так и уникальные предметы материального и духовного творчества приобретались за границей. Первый общедоступный музей России содержал произведения всех сфер знаний из различных стран. Основу начальных коллекций составили личные собрания вещей и инструментов, приобретенных царем во время его заграничных путешествий, гербарий Аптекарского двора, подлинные предметы, купленные у антикваров Западной Европы, а также привезенные непосредственно из Китая российскими посланниками. Вещи, попадавшие в Кунсткамеру в тот период не представляли особой исторической ценности, так как были изготовлены незадолго до времени их приобретения (XVII-XVIII вв.). Здесь можно было увидеть большое количество изделий из резного камня, бронзы, лака, расписанной керамики, фарфора, дерева, слоновой кости. «Из нефрита, особо ценившегося в Китае, вырезали изысканные предметы для кабинета ученого – чаши для промывки кистей в форме половинки плода персика с ветками или листа лотоса, драконов или других символических животных, подставки для кистей в виде знаменитых гор» [Иванов, с. 128]. Особо выделялись элементы культа (бронзовые божества, фрагменты алтарей) и искусства (свитки с пейзажами и изображениями охоты, книга-бабочка с некоторыми рисунками-пейзажами и другие).

Целью составления коллекции было стремление как можно полнее отразить уклад повседневной жизни представителей народа, поэтому экспонатами становились такие обыденные объекты как халаты, обувь, ножи, кошельки, трубки для курения, курительные палочки, сосуды, коробочки. Пополнение коллекций шло на протяжении всей истории музея. Желая поддержать великий академический проект, в 1725 г. императри-